

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК
парадигма

Наталия
Кугушева

Проржавленные дни

СОБРАНИЕ
СТИХОТВОРЕНИЙ

Наталия Петровна Кугушева
А. Л. Соболев
Проржавленные дни. Собрание стихотворений
Серия «Серебряный век. Паралипоменон»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4964745
Проржавленные дни: Водолей; Москва; 2011
ISBN 978-5-91763-052-6

Аннотация

В последний раз Наталья Петровна Кугушева (1899–1964) увидела свое стихотворение напечатанным, когда ей было тридцать лет. Вторая половина ее жизни вместила многое: пятнадцатилетнюю добровольную ссылку в Казахстане, куда она последовала за репрессированным мужем, одиночество, почти полную нищету, забвение. Но все эти годы она продолжала писать стихи, чудом дошедшие до наших дней. Большая часть их впервые печатается в настоящем издании.

Содержание

Стихотворения 1919–1941 годов	6
Безумный вальс	6
Письмо	8
«В лохмотья слов, как в гамлетовский плащ...»	9
«Ты хочешь быть чужим – пожалуйста...»	10
«Двадцать первого лета, золотого как персик...»	11
«Храню любовь, как некий чудный дар...»	12
«Тополями пропахли шальные недели...»	13
«О, трудный путь заржавленных разлук...»	14
Из цикла «Проржавленные дни»	15
«Резцом по бронзе говорить о жизни...»	16
«Жестокий подвиг лихолетий...»	17
«Нелепых дней случайный ход...»	18
«Не тебе мой путь отметить...»	19
Пролог к поэме «Сегодня»	20
«Милый, милый, осень трубит...»	21
Песенка	22
«На влажный берег выйти...»	23
«Над звоном нив моя ль тоска тоскует...»	24
«Мой голос скрипкой векам проплачет...»	25
«Остались только имена...»	26
«Не по хребтам сожженной Иудеи...»	27
«Не ляжет снег на длинные недели...»	28
«Опять любви сухие весны...»	29
«Жизнь ставлю томиком на полку...»	30
«Вы тихий, как бывают тихими зори...»	31
«Прощай, подруга. Вечер сух и ясен...»	32
«Седой Бузулук и пыль...»	33
«Проползают одинаковые вечера...»	34
«Я о тебе пишу. И знаю, эти строки...»	35
«Вкус моих губ ты забыл, забыл...»	36
«Подруга, дружбы ласковые узы...»	37
«Пути истории торжественны и грозны...»	38
О чуде	39
«Кровь, случай, ночь – вот спутники твои...»	40
«Ничего, мой друг, не тоскуйте...»	41
Песня	42
«Рев города, не рев ли океана...»	43
Лавка древностей	44
Памяти Маяковского	45
Комната	46
«Ты ушла, любимая сестра...»	47
Стихи 35 года	48
Бессонница 1ая	49
«Опять привычный алкоголь...»	50
«Их было двое. Горькою отравой...»	51

«Умеет сердце быть расчетливым и злым...»	52
Алушта	53
Казахстанский дневник	54
«Сегодня закат, как зарево...»	54
«После ссоры – сладко примиренье...»	55
Путешествие в Осокаровку	56
«Надо петь, как поет киргиз...»	57
«Безмолвна степь. И птицы не поют...»	58
«Ну, что же, значит, так надо...»	59
«Бушует шторм. И непроглядна ночь...»	60
«Когда ты бываешь тусклым...»	61
О Москве	62
«Демьяново. Легкие ветки качались...»	63
Публию Овидию Назону	64
Первая встреча	65
Осень 41 года	66
«Пусть вы мимо прошли, любимый...»	67
Гвидо	68
«Чадит коптилка. За окошком ночь...»	69
На заданную тему	70
Ожидание	71
«Ночи и дни, ночи и дни...»	72
«Азиатские бескрайние просторы...»	73
«Мертвая степь пред глазами...»	74
«Прими меня, степь, чужеземца...»	75
«Если смерть заглянула в глаза...»	76
Ожидание	77
«Когда ты начинаешь тосковать...»	78
«Сегодня ночь последней быть должна...»	79
«Никому такое не приснится...»	80
«Встречая Новый Год с друзьями...»	81
«И гонит и гонит тревога...»	82
«Как много хочется сказать...»	83
«Опять в провода налетели бураны...»	84
«Не думали, не гадали...»	85
День равноденствия. 25 марта	86
«Венецианские лагуны луж...»	87
«Четверть километра луж и грязи...»	88
«Века назад с тобою мы бродили...»	89
Сафо	90
«Я слишком люблю тебя, солнце земное...»	91
«Друзья мои, товарищи изгнания...»	92
«Я позову тебя в молчанье...»	93
Троица	94
Посвящение	95
Голод	96
Поэт	97
«По грозному небу бегут облака...»	98
8 сентября (день Адриана и Наталии)	99

«Хоронят здесь самоубийц...»	101
«Мне феи забыли положить в колыбель...»	102
«Из жизни в жизнь переносу с собой...»	103
«Учитель, я бреду походкою неверной...»	104
«За окном гуляет вьюга...»	105
«Не гнев и не жалость – учись глубине и молчанью...»	106
«Бродячею скрипкой по миру гуляет судьба...»	107
«Погадать бы крещенским вечером...»	108
Мыши	109
«Ты сердце мое не тревожь и не трогай...»	110
«Жди меня. И я скоро к тебе приду...»	111
«Я знаю вечеров застенчивую нежность...»	112
«Жду тебя, крылатая подруга...»	113
«Лунный луч живет в углу...»	114
«Я открываю себя навстречу миру...»	115
«На северо-запад Москва лежит...»	116
«Если ты пожелать мне позволишь...»	117
Радость	118
«Удар пришелся в самый раз...»	119
«Я больше не пишу ни прозы, ни стихов...»	120
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Кугушева Наталия Петровна

Проржавленные дни

*Издательство выражает искреннюю благодарность
Российскому государственному архиву литературы и искусства за
всестороннюю помощь в подготовке книги*

Стихотворения 1919–1941 годов

Безумный вальс

Кому предугадать развитие партитуры
Под дирижерской палочкой безумного маэстро?
Несется мир. Всё бешенее туры
И па сбиваются, оглушены оркестром.

И только клочья вальсов нестерпимых,
Дрожа, взвивают<ся?> испепеленной лентой,
А мир несется. Рвутся звезды мимо,
Неистовый летит под вскрики инструментов.

Кому предугадать развитие партитуры,
И кто переложил безумный вальс на ноты?

Несется мир. Неистовее туры,
Но всех неистовей железные фаготы.

Письмо

Я ушла. Совсем. Так надо.
В Вашу комнатку я больше не вернусь,
Но любви отравленную радость
Пронесет, как шлейф, за мною грусть.

Будет пусто в Вашем старом доме.
Будет скорбь. А на пьянино Григ.
Точно в Вашей жизни кто-то переломит
Номер лотереи-аллегри.

И любя других любовниц
Под альковым бархатных ночей,
Тихо скажете – спокойно и сурово:
– Ты ушла... Зачем?

Я ушла. Совсем. Так надо.
Старый Григ напомнит мне о Вас,
Дней моих безрадостную радость
В тонкий стих перекуют слова.

«В лохмотья слов, как в гамлетовский плащ...»

В лохмотья слов, как в гамлетовский плащ,
Забиться и уйти. Но от себя уйдешь ли?
Роняет осень медный трубный плач
В пустых полях безрадостные кошны.

И тянутся гудящие часы
Под стрелами тяжелых листопадов.
Ложатся настилом холодным и густым,
Но их покою сердце радо ли?

Сгибаюсь тяжестью невысказанных слов,
И дни прозрачные не сберегут покоя.
Обрызжет ветер золотым веслом
Моих ли дней звенящие оковы...

<1920>

«Ты хочешь быть чужим – пожалуйста...»

А.М.

Ты хочешь быть чужим – пожалуйста,
Я не заплачу, не разлюблю —
Пусть ветер за меня пожалуется,
Пусть слезы облака прольют.

Вся жизнь твоя проходит издали,
А мне покорность и стихи —
Так русских женщин манят издавна
Любовь и схи́ма.

<1920 или 1921>

«Двадцать первого лета, золотого как персик...»

Двадцать первого лета, золотого как персик,
Я губами касаюсь, и сок на губах.
Барбарисовым полднем под солнечным тирсом
Зацветающая судьба.

По утрам загорелые полынные росы,
Берегу на ресницах остуженный пыл,
Торопливых часов слишком раннюю проседь
Под цветочную пыль.

И густое вино полновесного часа
Проливает июля раскрывшийся мех,
И фиалками пахнет родной и печальный
Розовеющий хмель...

<1921?>

«Храню любовь, как некий чудный дар...»

Храню любовь, как некий чудный дар,
В ночных полях росой пути прохладны,
И на щеках моих гранатовый загар,
И вьется Млечный путь, как нитка Ариадны.

Мне влага трав – прохладное вино.
Бродить и петь в крови ночной тревоге.
Припасть к земле. И слушать. А за мной
Следит, как за добычей, козлоногий.

Качаются сады, цветут поля,
Распущенные косы пахнут медом.
Бежать. Влюбленная зовущая земля,
Тебе несу любовь мою и годы.

Я тоже зверь наивный и простой,
У заводов в зеленые прохлады
Я окунаю тело, под листвой
Творю любви священные обряды.

<1921?>

«Тополями пропахли шальные недели...»

Тополями пропахли шальные недели,
Каждый день как осколок расколотых лет.
Это юность моя по старинным постелям
Отмечает взволнованно стершийся след.

Не по четкам веду счет потерь и находок,
Не по книгам считаю количество строк. —
По сгоревшей судьбе только скрипы повозок,
Да стихов зацветающий дрок.

1921

«О, трудный путь заржавленных разлук...»

О, трудный путь заржавленных разлук,
Вино, отравленное вкусом меди!
Сожженных губ – похожих на золу —
Не зачерпнет надежд веселых бредень.

Колесами раздавливает час,
На пытке медленной распластывает тело,
И снова ночь тугая, как печаль,
И снова день пустой, бескровный, белый.

Лишь ожиданье шпалами легло,
Под паровозным растянувшись стуком.
Осколки слов разбившихся стеклом
Царапают целованные руки.

<1921. Москва>

Из цикла «Проржавленные дни»

Скрипят проржавленные дни
И гнутся.
Сожженных революций
Новорожденный день возник.

Найдет ли новый Оссиан
Такое слово,
Что красноглавою Москвою
Заполыхается Россия,

И там, где глыбами Тибет,
К Далаю Ламе
Плеснет республикою знамя —
Коммунистический разбег!

1921

«Резцом по бронзе говорить о жизни...»

Резцом по бронзе говорить о жизни,
Тяжелым словом прибавать века,
Чтобы судьбу не люди сторожили,
А звезды отраженные в строках.
Возлюбленного божеское имя
Как жертву заколоть на жертвеннике дней,
И старые Иерусалимы
Спалить в зажженном купиной огне.
Тома тяжелые отеческих историй
Зарыть под камни улиц городских,

Небесным рупором века повторят
Не пыльные дела, а в бронзу влитый стих.
На веках наших душ прибьют свой стяг потомки,
Не пилигримский крест, а душу понесут,
И библий догоревшие обломки
Не вызовут людей на страшный божий суд.
Воздвигнут памятник над мертвыми Христами,
И сердце расклевывает зерно опавших звезд,
В крови и гомоне людских ристалищ
Вытачивает мысль тугое острие.

«Жестокий подвиг лихолетий...»

Жестокий подвиг лихолетий —
Неугасимая Москва.
Плеснет ли европейский ветер
Кремлевским стенам и церквам,
На колокольни расписные,
На золотые купола?
Но Византийская Россия
Под тяжким золотом палат,
Под азиатскими страстями,
Под бармами царя
Таится в Половецком стане
Да ждет, вернется ли Варяг,
Да плачет бедной Ярославной,
Рукав в Каяле замочив, —
Баяны гусями прославят
И черный ворон прокричит.
Поганых полчищей татарских
Под Керженцем мы помним сечь
И думы важной и боярской
Славянскую мы слышим речь.
Пусть двадцать первое столетье
По Брюсову календарю, —
Не свист европейский ветер
С небес древлянскую зарю.

«Нелепых дней случайный ход...»

Нелепых дней случайный ход
И нужных слов неповторимость.
Мне каждый день в окно восход
Бросает новую немилость.

Я каждый день тебе молюсь:
Вся жизнь моя – твоя ошибка,
Меня вскормили ты да Русь,
Да ветер северный и зыбкий.

И зреют, зреют семена
В душе, нелепостью смущенной.
Но свято ваши имена
Я чту, как клад запечатленный.

Когда же дней случайный ход
Порвется, как и всё, случайно,
В последний мой земной заход
Откройте мне земную тайну.

«Не тебе мой путь отметить...»

Не тебе мой путь отметить
Тонкой меткой остря,
Берегу в душе запреты
И тоски сладчайший яд.

Я давно не знаю боли,
Отречения полюбив,
И теперь кому приколят
Сердца выцветший рубин.

Зерна скорби точно четки
В мерных пальцах прошуршат,
Миг влюбленный и короткий
Вскроет строгая душа.

Так придвинь же губы ближе, —
Губы нежные целуй,
Пальцы мерные нанижут
Зерна скорби на иглу.

Пролог к поэме «Сегодня»

Звенит наш стих шальным напевом бубна,
Звоночки радости разбросив наугад.
Не всё ль равно, кого в стихах полюбим,
Над кем раскинется небесная дуга.
Не сдавлен путь наш мировой орбитой
И нет пределов.
Поют часы. Века сменяют ритмы.
Не всё ль равно, в какой стране родиться,
В каких законах.
Москва. Нью-Йорк. Калькутта. Ницца. —
Нам всё знакомо.
И мы пробьем стихами, как тараном,
Земные стены.
Вот мы приходим с лучшими дарами
И мудрым телом.
И в площадей дерущиеся горла
И в дыры окон
Бросаем щедро мы даров бесценных горсти
К людским порогам.
Так звонче, стих, звени и пой, наш бубен,
Отравой звонких строф над чьей-нибудь судьбой.
Смотрите. Мы пришли. Мы принесли вам, люди,
Даров бесценнейших и радости и боль.

«Милый, милый, осень трубит...»

Милый, милый, осень трубит
В охотничий рог.
Небо и землю раскрасил Врубель
И смерти обрек.

Милый, милый, уж солнце-кречет
Ждет добыч.
И алые перья собирает вечер
Для ворожбы.

Милый, милый, чей лук на страже
Каленых стрел,
В какие страны нам путь укажет
Чужой прицел?

Милый, милый, нам осень трубит
В зловещий рог.
И ветра медный протяжный бубен
Среди дорог.

Песенка

Посв. Вячеславу Ковалевскому

Струится белый балахон,
Бубенчики звенят.
Скажи, скажи, каким стихом
Ты воспоешь меня?
Декоративная заря.
Горят гвоздики губ. —
Не надо сердце укорять,
Пускай часы бегут.
А в сердце тонкая игла.
Бубенчики звенят. —
Моих ты не забудешь глаз
И не поймешь меня!
Струится белый балахон,
На нем след красных губ.
Я больше не хочу стихов, —
Я сердце берегу.
Глаза придвинулись к глазам,
Гримаса губ больней.
Ты лентой пестрой обвязал,
Любуясь, косы мне.
Твое усталое лицо,
Бровей больных излом.
Звенит жених мой бубенцом
И весело, и зло!

«На влажный берег выйти...»

На влажный берег выйти,
Росой промыть глаза.
Тоскует сердце выпью
В болотистых низах...

Над головой прозрачный
И розовый восход,
И берег зыбью схвачен
Под старую ольхой.

Осоки звонкий шелест
Качает берега.
И грязью голубеет
Расхлябанная гать.

Курятся сосны тонко
Смолистым янтаре
И перепевом звонким
Сплетаются с зарей.

Иду. Хватают травы
И стелются у ног.
Двойник мой плавит заводь
Зажегшейся волной.

«Над звоном нив моя ль тоска тоскует...»

Над звоном нив моя ль тоска тоскует,
Не мой ли голос гулкий крик подков.
Веду, веду я песенку простую,
Ношу на пальце медный ободок.

Бегу к реке девчонкою веселой,
В моих глазах не зелень ли волны?
Поют в руках некрашенные весла,
Шумят леса полдневные псалмы.

Я затерялась в золоте осеннем,
Не знаю, где пределы для меня,
Во мне душа деревьев и растений,
Моей душою травы прозвеният.

Волна и я – мы зыблемся от ветра,
Во мне и в ней разгулы вольных дней,
В нас отражаются восходы и рассветы,
Мы музыкой качаем путь луне.

«Мой голос скрипкой векам проплачет...»

Мой голос скрипкой векам проплачет,
Чуть слышной скрипкой в большом оркестре,
И скажет миру чуть-чуть иначе,
Что непорочна душа невесты,

И, может, кто-то в веках далеких
Приникнет к плачу душой влюбленной
И переложит тот отзвук в строки,
А строки снова векам уронит.

И так вот будет на веки вечно,
И не умру я с последним часом —
В пространствах странных мой путь отмечен
И голос тихий мой не напрасен.

«Остались только имена...»

Остались только имена,
И больше – ничего.
Живым усталым нам
Последний темный звон.

И долго ль будем на земле
Тащить ярмо минут,
Не находя к любимым след,
Звено ковать к звену?

Когда какой придет пророк
И разгадает дни,
И этот лучший из миров
Пойдет на смерть за ним?

Остались только имена,
И больше – ничего.
Живым усталым нам
Последний долгий звон.

«Не по хребтам сожженной Иудеи...»

Не по хребтам сожженной Иудеи
Сухих олив немотствующий хруст —
В глухих монастырях зажатые раденья,
В тоску и удаль кинувшие Русь.

Вам сохранившее от Ветхого Завета
Печать отверженных и сокровенных глаз —
А с волжских берегов степные плачут ветры,
Скрипит полей взволнованная гладь.

Громящий Судия, карающий Егова,
Под пеплом скорби гнет седых отцов —
Здесь дол и даль, слинявшая часовня,
И в каплях терна тихое лицо.

«Не ляжет снег на длинные недели...»

Не ляжет снег на длинные недели
И не запорошит холодных вечеров,
Мои шаги застыли на пределе
Немыслимых и несказанных слов.

Твоих ли глаз прочитаны страницы
И мне ль сберечь их невозможный смысл —
Клоню беспомощно усталые ресницы
Над грудями декабрьских грозных числ.

«Опять любви сухие весны...»

Опять любви сухие весны
Кропит капелью синий март,
А имя мертвое уносит
Такая ж мертвая зима.

Опять смотрю в глаза печали,
И Ваша смуглая рука
Качель весны моей качает,
А парус алого заката

Опять плывет над городами,
Цепляясь за тенета крыш.
Свою любовь несу как дань я,
Ларец души для всех открыв.

Кропят кропилами капли
Живой и пьяною водой,
А ветер туже лук свой целит,
Мой путь стрелой тугой ведет.

«Жизнь ставлю томиком на полку...»

*Ты молодость пропоешь
По этой книге, как по нотам –
Здесь имя милое твое
Ex-libris 'ом на переплете
Эпиграф из меня*

Жизнь ставлю томиком на полку
Среди других веселых книг,
И пыль покроет втихомолку
Ее шагреновый парик.

Пусть время желтым ногтем метит
Тугую кожу корешка
И прорисовывает ветер
В листах заставками века.

Когда-нибудь найдут на полке
Не повторяемый никем
Мой стих отравленный и колкий
И жизнь в старинном корешке.

1921

«Вы тихий, как бывают тихими зори...»

Б. Кисину

Вы тихий, как бывают тихими зори,
Опрокинутые вглубь колодца.
Я пишу Вам, милый Боря,
Что надо любить и бороться.

Лапы тягучей и старой Рязани
Над головою мученическим ореолом,
А в мутные стекла робко влезает
Выжитых дней переплавленное олово.

Беспомощными пальцами мнете глину
И плачете над неудавшейся жизнью, —
Какой ветер сумеет кинуть
В каменных богов шальнойю джигой?

Так чтоб разлетелось! и звякнули стекла
И загорелось сердце до боли!
С мудростью, достойною Софокла,
Изглаголаю Вам мою последнюю волю.

*31 мая 1922
Москва*

«Прощай, подруга. Вечер сух и ясен...»

Марианне Ямпольской

Прощай, подруга. Вечер сух и ясен,
Вызванивают ржавые листы,
Скучая, музыка спускается с деревьев,
И горизонта пламенный браслет
Замкнулся хладно. Строгий
И величавый час над миром наступил.

Прощай, подруга. Загляни в глаза мне —
Там тот же холод, тот же пламень там,
Как будто все века, все жизни, все любви
Я вобрала в единственную душу
И эту душу проношу по жизни
И в этот час передаю тебе.

18 декабря 1923

«Седой Бузулук и пыль...»

Седой Бузулук и пыль,
Улиц сухие русла.
Иконы. Теплый ковыль
И за Самаркой пустынь,

«Тоска по родине» в саду.
Тихие дни и ночи.
Ленивые жизни идут,
Не зная бессонниц и одиночеств.

За степью путь на Москву
У сгорбленного вокзала,
Вековая родная тоска
В кочующем сердце прижалась.

По шпалам года наугад
Спешат лабиринтами линий, —
Но память хранит навсегда
Степное татарское имя.

1923
Москва

«Проползают одинаковые вечера...»

Проползают одинаковые вечера
Грузными дилижансами.
Жизнь скупая, как Никкльби Ральф,
Не знает ни любви, ни жалости.

Над конторкою прилежный клерк,
Вижу улицы сквозь стекла пыльные, —
Так записывать еще немало лет
Мелким почерком чужую прибыль.

Ньюмен Ногс, товарищ мой и друг,
Кружкой грога из таверны ближней,
Мы смягчаем грубую игру
Джентльмена, что зовется жизнью.

1923
Москва

«Я о тебе пишу. И знаю, эти строки...»

Я о тебе пишу. И знаю, эти строки
Здесь без меня останутся и будут
Печальной книгой в черном переплете,
Печальной книгой о земной любви.

И ты припомнишь медную кольчугу
Сентябрьских дней, и медный звон ветвей,
И пахнущую яблоками свежесть
Простых и величавых утр.

И жизнь мою суровую ты вспомнишь,
Глаза мои и губы, и любовь —
И грешную мою помянешь душу,
И всё простишь, полюбишь и поймешь.

Я не умру. Глазами этой книги
Я видеть буду милый, страшный мир;
Я буду слышать, как звенят трамваи,
Как город голосом густым гудит.

И спутницей внимательной и нежной
Я жизнь твою с начала до конца
Пройду, и передам неведомым потомкам
Великолепный дар — любовь мою к тебе.

Пройдут года по шпалам черных точек,
Железные года — страницы пробегут, —
Но милой лирики прозрачнее прохлады, —
Как старого вина всё драгоценней вкус.

1923

«Вкус моих губ ты забыл, забыл...»

Вкус моих губ ты забыл, забыл,
Губы другие теперь полюбил.
Косы ее тяжелей и черней,
Сердце ее и добрей и верней.
В комнату вашу неслышно вхожу,
В очи жены твоей тихо гляжу.
Хуже была ль я, лучше ль она? —
Друга покинутого жена.
Что ж ты читаешь жене своей
Горькую повесть любви моей?
Ты Расскажи ей о страшных днях,
О поцелуях моих, стихах,
Ты Расскажи, как была я зла,
Как осенью раз навсегда ушла.

<1923>

«Подруга, дружбы ласковые узы...»

Е.П.

Подруга, дружбы ласковые узы
Мы сохранили с детства до сих пор, —
Тревожным голос пропели музы
Пророческий свой приговор.

И часто нас свинцовый глаз рассвета
Видал склоненных над одним столом —
И сколько песен пламенных пропето,
И сколько бед разнесено пером.

Ты помнишь комнату, убогую, как ужин,
Густую пыль от печки и от книг.
Нет ничего. И вместо денег – дружба,
А за окном бульварные огни,

И звонкие проносятся трамваи.
Гудит Москва. У нас покой и тишь.
И синий чайник с жидким мутным чаем
Пофыркивает лишь...

В косом трюмо перекопился Ленин,
Глядятся вещи в мутное стекло.
О, милые часы стихов, тоски и лени,
Беспутной юности беспутный эпилог.

Об этом времени веселом и суровом
Мы будем вспоминать и радоваться вновь.
Подруга милая, помянем добрым словом
Российских муз и сохраним любовь.

«Пути истории торжественны и грозны...»

Пути истории торжественны и грозны —
Огромный век. Огромные дела.
Над Русью древний всколыхнулся воздух,
От сна очнувшись, темная пошла.

Не по проселочной, не по большой дороге,
Не с кистенем, не с посохом в руках. —
Надвинув кепи на шальные брови
И в куртке кожаной с винтовкой на плечах

Пошла, спокойная, сквозь тифы и расстрелы,
Сквозь вымершие волжские поля
И песни новые по-новому запела
С пропахнувшего порохом Кремля.

Над дикими туманами провинций
Не звон малиновый колоколов —
Стрекочут вольные стальные птицы
И запевают голоса гудков.

И длинными шагами телеграфа
Встревожен мир старинной тишины,
И придорожные примяты травы
Тяжелым шорохом автомобильных шин.

Над деревнями, где мороз и солнце
Высушивали сердце мужика —
Кумачный флаг веселых комсомольцев
Качнулся с колокольни в облака.

Россия. Глушь. Кабацкое веселье.
Нагайка. Бог. Дремучие леса.
Сквозь грусть щемящую разгульных песен
Твои суровые, поблекшие глаза

Припомнят внуки. И в часы раздумья
Им будут сниться скудные поля
И Русь – гадающая ведунья
Вслед улетающим журавлям.

О чудаке

Не жизнь, а просто так:
Поставлен стол и стул,
Сидит на нем чужак,
Задумчив и сутул.

Он дышит пылью книг,
Он дышит тишиной,
И только маятник
Товарищем всю ночь.

Пусть город бьет в окно
Железным сапогом,
Пусть рвутся над страной
Гранаты непогод —

Им не пройти туда,
Им стен не одолеть —
Давно сидит чужак
И будет так сидеть.

23 июня 1926

«Кровь, случай, ночь – вот спутники твои...»

Кровь, случай, ночь – вот спутники твои,
Слепая жизнь. Вот входит человеком
Еще один для битв и для любви,
Приоткрывая сомкнутые веки.

А над землею пролетают дни,
Проходят весны, осени и зимы, —
И с неба звездные далекие огни
Ложатся на душу тоской невыразимой.

И эта темная певучая душа
Дрожит и бьется от любви и боли,
И не умеет вырваться душа
Из плена милого земной неволи.

Но час настанет, и заглянет смерть,
И ты уйдешь, оставив дар случайный,
И снова будут над землею: твердь,
Миры, века, чужая жизнь и тайна.

«Ничего, мой друг, не тоскуйте...»

Ничего, мой друг, не тоскуйте.
Эту ль жизнь поместить на плечах,
Если сердце любовью – в лоскутья,
Если тело страстям – сгоряча.
Пусть весна. Пусть другим этот пьяный
Дикий воздух под желтой луной —
Нам глушить стакан за стаканом
В одиночестве боль и вино.
Нам в холодные руки бессонниц
Одинокую голову класть,
И не мужу и не любовнице
Этот мертвый ночей оскал.
Ничего, что любимое имя
Каплей крови сквозь ночь, сквозь бред —
Не задуть губами сухими
Высокомерный рассвет.

Песня

Ходят, ходят сини волны,
Море Черное шумит.
Золотой, как персик, полдень
На песке со мной лежит.

И густой и грустный воздух
Пахнет солью и водой,
И огромной рыжей розой
Солнце никнет над волной.

Горизонт качает парус
Удалого рыбака.
Белорунною отарой
Пробегают облака.

И заснул угрюмый Бигус,
Заглядевшись на простор,
Над развернутою книгой
Пожелтевших древних гор.

«Рев города, не рев ли океана...»

Рев города, не рев ли океана
Шумит в высокое окно.
Бушуют вьюги скрипок ресторана,
Мы наливаем полные стаканы
Январским лунным ледяным вином.
Под звездами, под небом жизнь нетленна
И кровь, как слезы, солона,
Но бродит смерть веселым джентльменом
В ночи, на площадях, в крошечной белой пене
Качается от звезд и от вина...
От лакированного автомобиля
Ползут глаза, кровавая мгла и снег,
Гудки сорвались, взвизгнули, завывли,
Любезный джентльмен, не вы ли
В такую ночь устроили побег?

<1920-e>

Лавка древностей

Шуршит китайский шелк на серебре парчи,
Гранатов бархат спущенной портьеры,
И Страдивариус, казалось мне, звучит
В руках искусного седого кавалера.

Венецианские мерцают зеркала,
Хрусталь и золото – тяжелые флаконы,
Быть может, дю-Барри по капле пролила
На пурпур столика тревогу благовонья.

В брюссельских кружевах запуталась серьга
Прохладной каплей синего сапфира,
И белый горностай белее, чем снега,
И холоднее северной Пальмиры.

Так хрупок звон фарфоровых вещей,
Саксонской старины изящны безделушки,
На синей чашке пастушок в плаще
Нашептывает нежное пастушке.

А рядом древние уродцы в хоровод
Сплелись, больные персонажи Гойи —
Три тонких головы, раздувшийся живот,
И в сладострастной пляске слиты трое.

Люблю бродить в спокойной тишине,
Перебирать века влюбленными руками,
И жаль – людей и жизни больше нет,
Но жизнь вещей бессмертнее, чем память.

Памяти Маяковского

Багровы розы Беатриче.
Поют гудки. И трубы говорят
На перекрестках улиц. Голос птичий
Расплескивает ранняя московская заря.

Бегут трамваи. Ветер
Апрельской прелой влажною землей
От круглого двора на Поварской. Где ветви
Зеленым пухом яблонь. Где разлет

Колонн. И белая прохлада
Высоких комнат. Музыка. И он,
Спокойно вышедший из медленного ада
Любовных бед, чудачеств и времен.

19 апреля 1930

Комната

Табачный дым в готическую высь
Тяжелой чернью на зверей крылатых.
Часы не бьют! Далекий шум Москвы,
И в стрельчатом окне туч оползень лохматый.
В осенний сумрак шелковым цветком
Качнется абажур. В углах проснутся тени.
Проснутся книги. И старинный том
Уводит в мир чудесных приключений —
И в фантастическую тишину
Скрип дилижанса, рога голос дикий.
Я вижу Лондон, Темзу и Луну
И как по улице проходит Диккенс.
Поет река. И стелется туман.
Янтарными глазами смотрят доки,
Косые паруса далеких стран,
Разноязычный говор стран далеких
И запах моря горький и чужой
В тавернах, где веселые матросы
Танцуют джигу с девкой портовой
И чокаются с Ньюмен Ногсом.
Часы не бьют. Но drobный дождь в стекло
Мне полной горстью бисеринок влаги.
Я отрываю взгляд от чужеземных слов,
Я сердце отрываю от бумаги.
Я вижу вновь высокие углы
И белизну узорную карнизов,
Рояль, застывший неподвижной глыбой,
И милых книг задумчивые ризы.
Опять со мной знакомый ветхий мир
Вещей и дел, видений и утраты.
И слушает, как встарь, бряцанье лир
На потолке высоком зверь крылатый.

<19>32

Москва

«Ты ушла, любимая сестра...»

Ты ушла, любимая сестра,
Отзвенев печальными стихами.
Без тебя пылают вечера
Рыжими закатными цветами.
Без тебя проходят по земле
Одурь весен, осеней прохлада,
Льдяность зим и пышность лет. —
Низкий холмик. Черная ограда.
Золотыми косами в песке
Белых косточек разбросанная груда.
Белый череп. И моей тоске
Биться в сердце от рыданий трудных.
Задавила старая земля,
Высосала ласковое тело.
И шумят густые тополя
Над моей душой осиротелой.
Этот шум мне снится по ночам.
Голос милый по ночам мне снится. —
Вкривь и вкось исписаны страницы,
Муза ли, сестра ли у плеча.

21 января 1932

Стихи 35 года

Синеватая сталь солон на губах,
Смертным холодом холодна —
На земле я останусь только в этих стихах,
В этих черных строках,
Расплескав по строкам свою душу до дна.

Неподвижное тело в землю уйдет,
В трехаршинную тишину —
Может, сизый лопух сквозь меня прорастет,
Может, белой березкой сердце взойдет
Поглядеть на седую луну...

Бессонница 1ая

И каплет ночь в бессонные глаза.
Тягучие и медленные капли
В открытое окно стекают
Из безвоздушного скупого неба.

И кровь стучит в горячие виски,
И лихорадка обжигает кожу
Горячим и взволнованным дыханьем,
Песчаным вихрем раскаленной степи.

И душит, душит <в> тишине подушка,
И стены надвигаются, как горы,
И вспыхивают странными цветами
Лучи фонарные на черном потолке.

И кажется мне, что пройдут столетья
По этой комнате, такой знакомой,
Сухая пыль засыплет эти вещи
И плотной пеленой окутает меня.

И никогда не будет больше солнца,
И вечно будет темная планета
В пространствах мировых одна носиться
Обугленным осколком наугад.

9 ноября 1935

«Опять привычный алкоголь...»

Опять привычный алкоголь
Стихов и одиночества,
Я переписываю боль
В тетрадку прямо начисто.

И без помарок по листу
Перо мое певучее.
И чудо! – сами зацветут
Веселые созвучия.

Боль растечется по строкам,
Мне снова станет мирно так. —
Уходит далеко тоска,
Когда приходит лирика.

9 ноября 1935

«Их было двое. Горькою отравой...»

М. С<ивачеву>

Их было двое. Горькою отравой
Поила их любовь моя.
Ни счастья, ни радости, ни славы
С собою им не приносила я.

Года качались в головокруженьи
Под песенку лукавую стиха,
И жизнь плыла в неторопливом пеньи,
И дерзкий ум покорно затихал.

Они ушли. И ночь стоит у входа,
И завтра будет так же, как вчера,
Я ненавистную свою свободу
По комнате таскаю до утра.

Шагай, шагай. Знакомы половицы,
В четыре стенки мир мой заключен,
И, перечитывая страницы
Своих утрат, чудачеств и имен,

Я говорю – душа ушла. И тело,
Как Агасфер, бродить осуждено,
Пока рукой костлявою и белой
Не постучит желанная в окно.

19 мая 1937

«Умеет сердце быть расчетливым и злым...»

Умеет сердце быть расчетливым и злым,
Я жизни за любовь плачу стихами,
Завет от предков, загорелых ханов —
Платить за жен умеренный калым.
Влезает тело в шелковый халат,
Глаза раскосые упрямы и жестоки,
Отсчитываю медленные строки,
Как стих Корана молодой мулла.
Клинок отточенный плеснет над головой.
Пусть врач идет, я робости не знаю.
Душа далекого разбойного Аная
Во мне веками, дикая, живет.

<1930-е?>

Алушта

Белую пену взбивает прибой.
Белые чайки кричат над волной.
Белые тучи на синей волне.
Белые вазы на белой стене.
Черные пики штурмуют высь —
За кипарисом идет кипарис.
Горы над морем — уступ на уступ.
Камни от солнца тихонько поют.
Пурпуром роз зацветает земля
И отцветают цветы миндаля.
Как хорошо по взморью бродить,
Ящериц сонных на камнях будить.
Ветром соленым и вольным дышать,
Мокрые камушки пересыпать.

1941

Казахстанский дневник

«Сегодня закат, как зарево...»

Сегодня закат, как зарево,
Полнеба горит огнем.
Сегодня читаю заново
Любовь во взгляде твоём.

Как много в нём грустной нежности,
Неверия и тоски,
И веет холодной свежестью
Пожатые твои руки.

Пусть сердце твоё заковано
В железную чешую —
Влюбленная и покорная,
Я тихо тебе пою.

16 сентября 1946

«После ссоры – сладко примиренье...»

После ссоры – сладко примиренье.
Каждый день идет серьезный бой.
И, как в настоящее сражение,
Мы выводим регулярный строй: —

Конницу капризов и чудачеств,
Танки – оскорблений и обид,
Легкие танкетки – неудачи,
Маскировку тщательных защит.

Как зенитки ловкие стреляют,
Как злословье попадает в цель,
Каждый летчик грустно помышляет
О бесславном горестном конце!

После ж долгожданного отбоя,
Отдыхая после канонад,
Мы с тобой – опять влюбленных двое,
Каждый мнит себя заслуженным героем,
И друг другу каждый снова рад!

Ночь с 7 на 8 августа 1946

Путешествие в Осокаровку

Плывет под колесами степь,
Горячая пыль в лицо.
Холмов невысокая цепь
На горизонте кольцом.
К пространствам степным привык
Разболтанный грузовик.

Он <ездит> и ночь и день
Проселками и шоссе,
И дыма черная тень
Запуталась в колесе.
Он видел немало стран,
Пока попал в Казахстан.

Он возит баранов, хлеб,
Уголь, моторы, соль,
Развозит по всей земле
Горькую кладь неволь.
И к горю людскому привык
Разболтанный грузовик.

Июль 1945

«Надо петь, как поет киргиз...»

Надо петь, как поет киргиз,
Проезжая в степи безбрежной,
Я тебе пою – улыбнись,
Будь по-прежнему милым и нежным.

И сравнение мое оцени
Как веселую легкую шутку.
Как прекрасны в осенние дни
Эти солнечные минутки,

Что дарит нам сентябрь под конец
В годовщину любви нашей,
Хорошо, что в чужой стране
Ты меня называешь Наташей.

Это имя простое мое
На устах твоих музыкой нежной —
И душа, загораясь, поет,
И лирический ветер свежий

Наполняет всю жизнь мою,
Точно молодость снова рядом, —
Я тебе одному пою,
И любовь твоя – мне награда.

*19 сентября 1946
Годовщина отъезда из Москвы*

«Безмолвна степь. И птицы не поют...»

Безмолвна степь. И птицы не поют,
От трав сухих нежней благоуханье —
Я провожаю молодость свою
В краю чужом, в краю изгнания.

Горька земля здесь. Бледные цветы
Звенят фарфоровыми лепестками.
Под небом выгоревшим и пустым
Качается полынь и розовеют камни.

4 августа 1944

«Ну, что же, значит, так надо...»

Ну, что же, значит, так надо, —
Такой, значит, выпал жребий;
Не слава пришла в награду,
А мысль о насущном хлебе,

О крове над головою,
О грусти судьбы бродяжной,
О ветре осеннем протяжном,
Поющем над ночью степною...

Какие еще молитвы
Спасут от врага лихого —
Сумей петушиным словом
Себя уберечь от битвы,
От супостата злого.

6 августа 1946

«Бушует шторм. И непроглядна ночь...»

Бушует шторм. И непроглядна ночь,
Осенний океан за окнами неистов,
С разбега бьет железною волной
И отступает с грохотом и свистом.

И мы плывем в бушующую даль,
Затерянные в грозном океане,

Но не страшна нам дикая печаль
Осенней непогоды в Казахстане.

И близок он, прославленный в веках,
Прекрасный остров Билитис и Сафо,
Где музы бродят на ночных лугах
Под строф сафических любовный пафос.

Нам завещали музы продолжать
И сохранить от хладного забвенья —

Мы свято бережем любовную печать
И Лесбоса прекрасное виденье.

21 сентября 1946

«Когда ты бываешь тусклым...»

Когда ты бываешь тусклым,
Как хмурый сентябрьский день,
В душе моей – тихо и пусто,
И жить мне и думать лень.

Я грустно стою на распутьи.
Куда-то летят надо мной
Разорванные в лоскутья
Осенние тучи. Тоской

И ветром, как я, гонимы,
Бездомные, как и я,
Неведомые пилигримы
По темным путям бытия.

И хочется плыть за ними,
Бездумной, беззвучной быть, —
Не плакать слезами злыми,
Слова твои злые забыть.

28 сентября 1946

О Москве

Ах, пройти по улицам московским,
Поглядеть на липы Поварской,
Постоять у древних стен Кремлевских,
Обойти кругом бульвар Тверской.

В переулках старого Арбата
Каждый камень близок и знаком, —
Как прекрасен в зареве заката
Каждый садик, каждый тихий дом.

Постоять на шумном перекрестке
Нищенкой с протянутой рукой
Где-нибудь у Каменного Моста
Или на углу Страстной.

Может быть, и Вы пройдете мимо,
Статный, ладный, не узнав во мне
Ту, которая была любимой,
Ту, которой пели о весне

Ваших строф изысканные метры.
Ту, с которой ночи напролет
Вы бродили под весенним ветром
Над Москва-рекой, встречая ледоход.

5 января 1946

«Демьяново. Легкие ветки качались...»

Демьяново. Легкие ветки качались,
В апрельский закат уходили поля.
Прозрачной прохладе весенней печали
Навзрыд соловьями гремела земля.

В сады над рекою падала с неба
Крутая и розовая луна,
В сады, опушенные розовым снегом,
Из города музыка шла и весна.

Ты помнишь, мы долго бродили с тобою.
В Клину за рекой загорались огни.
За музыкой шли мы, как шли за судьбою,
В огромном сверкающем мире одни.

23 января 1946

Публию Овидию Назону

О.Т.

Я Августа ничем не оскорбила,
Лукавой прелестью «Науки о любви»
Я целомудренных не соблазнила,
Но я делю изгнания твои.

Как ты, тоскую о далеком Риме,
О славных современниках скорблю,
Средь диких гетов вспоминаю имя,
Которое мучительно люблю.

Ты слушал жизнь взволнованного порта,
Катило море синюю волну,
И ты, изгнанник, письмами «Экс Понто»
В Рим посылал горячую весну.

А я брожу под нестерпимым ветром,
Где в далях скорбных залегли века,
И «Тристия» торжественные метры
Скандирую бегущим облакам.

Нас разделяют два тысячелетья,
Но Август так же к нам неумолим,
И ни мольбою, ни ценою лести
Нас не вернут в великолепный Рим.

Я, как и ты, умру у диких гетов,
В степных просторах будет вечен сон —
Прими ж поклон от младшего поэта,
Поэт Великий, римлянин Назон.

20 ноября 1945

Первая встреча

Как пела тревожно скрипка,
И танго медлительно пело,
В воде отражались липы
И столиков скатерти белые.

Как пахли тревожно розы
На столиках в синих бокалах,
Токая горячая бронза
В наполненных рюмках сверкала...

Я помню пушистый персик
И влажную кисть винограда,
И голос ваш, милый сверстник,
В аллеях Нескучного сада.

О, синее небо июля,
О, теплый и ласковый вечер —
В кафе в многолюдном гуле
С любимым первая встреча!

Осень 41 года

Гвидо

В печи полыхала солома
Червонным веселым огнем —
Пять тыщ километров от дома,
В изгнании. В краю чужом.

На ужин варилась картошка
И чайник тихонько пел.
В нахмуренное окошко
Осенний закат глядел.

Тебя я ждала с работы,
И ты возвращался домой,
Измученный нудной работой,
Усталый, голодный, больной.

Прекрасные руки пианиста
Тащили тяжелый мешок —
С пронзительным диким свистом
Сшибал тебя ветер с ног.

Плясала пыль на дороге
И плакали провода,
Но сбрасывались за порогом
Усталость, мешки, беда.

Ты в хату входил, стараясь
Меня уберечь от тоски,
Тревоги следы стирая
Прикосновеньем руки...

О, милые нежные руки,
Любимые руки твои.
О, горечь последней разлуки,
Великой твоей любви!

8 октября 1946

«Пусть вы мимо прошли, любимый...»

Э.

Пусть вы мимо прошли, любимый,
И меня, и любви, и стихов —
Надо мною поют незримые
Хоры ангельских голосов.

И качаются крылья алые
Небывалых над миром зорь,
И шиповники запоздалые
Расцветают в расселинах гор.

Над пустынею всходит заново
Перламутровая луна
И колышет небесный занавес
Звезд старинные письма.

6–9 октября 1945

Гвидо

Над твоей безымянной могилой
Казахстанские ветры поют.
Над твоей безымянной могилой
Одинокие тучи плывут.

Звездный дождь упадет на землю,
Если август стоит над землей,
Да полынные заросли дремлют
Под высокой и грустной луной.

Обступили степные просторы,
Сторожат твой последний сон. —
Над седым горизонтом горы,
Как свидетели похорон.

И не я тебя проводила
В твой последний далекий путь.
Над бескrestной твоей могилой
Только ветер посмел вздохнуть.

8 октября 1946

«Чадит коптилка. За окошком ночь...»

Чадит коптилка. За окошком ночь,
Огромная, холодная, чужая,
Но в одиночестве она со мной,
Судьба моя, веселая и злая.

Мне хорошо в полночной тишине
Прислушиваться к ласковому пенью
И наяву, как будто бы во сне,
Следить за призрачным виденьем.

Моя рука лежит в ее руке,
Плечо к плечу – она со мною рядом.
Пишу стихи – склонившись, по строке
Скользит внимательным любовным взглядом.
А поведет – куда? – не смею я спросить,

Но, подчиняясь нежному насилью,
Пойду за ней – на плаху, может быть, —
Или к мечте, что станет скоро былью.

9 октября 1946

На заданную тему

Сколько может снести человек —
Одному только Богу известно —
Сколько мыслей встает в голове,
В желтом черепе, узком и тесном.

И страшнее утрат и обид
Непонятная доля людская —
Для чего тебя бог сохранит
И судьба не догонит лихая?

Иль настигнет лихая судьба —
Ты умрешь под чужим забором,
И напрасны мольбы и борьба

И старинные с богом споры?
Видно, путь наш издревле внесен
И в небесные вписан скрижали...
Человек для любви рожден,
А живет без любви и в печали.

4 сентября 1946

Ожидание

Гвидо

Я жду и слушаю. Китайский колокольчик
Тихонько начинает перезвон.
И комната заслушалась. И молча
Глядит прохладный сумрак из окон.

Какая тишина. И не шумят деревья,
Над садом загорается звезда;
Лишь иногда за дальнею деревней
Поют невидимые поезда.

Один из них возьмет тебя с собою,
Из сутолоки вырвет городской,
И ты сойдешь, овеянный весною,
На полустанке в тишине лесной...

Придешь ко мне, усталый и влюбленный,
От звездных рос, от запахов лесных
В мой сад придешь, в шатер войдешь зеленый.
Я жду тебя. И звон часов затих.

15 октября 1946

«Ночи и дни, ночи и дни...»

Ночи и дни, ночи и дни
Ветер поет в трубе.
Ночи и дни думы мои,
Думы мои о тебе.

Стены глухие тебя берегут,
Крепок тяжелый засов.
Пуля догонит, найдет на бегу,
Свалит в тюремный ров.

Может, лежишь ты в степи без креста
В злой азиатской земле...
Эта ли повесть, что так проста,
В мире оставит след?

Мир прочитает повесть твою
В звездах и облаках,
Как над тобою ветры поют
В мертвых казахских степях.

Пусть распростерты над нашей страной
Черные крылья беды —
Не затеряется в глуби ночной
Свет одинокой звезды.

20 апреля 1945

«Азиатские бескрайние просторы...»

Азиатские бескрайние просторы —
Глина да полынь-трава,
За полынью выжженные горы
И далекая, далекая Москва.

Где-то скрещиваются дороги,
Паровозы на путях дымят, —
Здесь, кольцом свернувшись, у порога
Бисерные ящерицы спят.

И поет, поет горячий ветер,
Поднимая розовую пыль, —
Так проходят по земле столетья,
Расстилая по ветру ковыль.

Не шуршит по глинистым обвалам
Высосанный глинами Ишим.
Облака, пылающие ало,
Неподвижные стоят над ним.

«Мертвая степь пред глазами...»

*М.Э.С.
Г.Ф.Р.*

Мертвая степь пред глазами.
В хате саманной темно.
Тускло кизячное пламя.
Дует в худое окно.

Ветер за окнами воет,
Воет и ночи и дни.
Кто нам глаза закроет?
Кто нам споет «усни»?

Скоро заплачут бураны
Над одичавшей землей.
В мертвых степях Казахстана
Ляжет покров снеговой.

Страшны изгнания годы,
Горек скитаний хлеб,
Но в грозные дни непогоды
Дух от скитаний окреп.

Ночью нам воля снится,
Родина снится нам,
Блиzkих родные лица
Видятся по ночам.

Тусклы часы рассвета,
Гневом полна душа,
Жизнь пролетает где-то,
Годы идут, спешат.

Нам только ветер изгнаний
Да мертвая степь в окно.
Полную чашу страданий
Выпить до дна суждено.

14–25 октября 1944

«Прими меня, степь, чужеземца...»

Прими меня, степь, чужеземца,
В суровые руки твои,
В полынью заросшее сердце,
Не знающее любви.

Жестоки твои просторы,
Небесный велик океан,
Бесплодны и сухи горы,
И бурям далеких стран

Открыты кругом дороги.
Но музыка древних дней,
Как голос библейский Бога,
Звучит над душой моей.

*22 мая 1946
Николин день*

«Если смерть заглянула в глаза...»

Если смерть заглянула в глаза,
Полоснула косой по стране,
Ни мольбам, ни любви, ни слезам
Нету веры и места нет.

Но страданиями крепнет дух, —
Белым голубем ввысь душа,
Чутко ловит небесный слух,
Как земной пролетает шар,

Как планеты поют вокруг,
Как рождается в пути звезда
И как льется на звездный луг
Солнца огненная вода.

19 мая 1945

Ожидание

Я жду тебя. Стадо прошло,
И к вечеру ветер затих.
И солнце средь туч зашло
Багряных и золотых.

Из труб потянулся дым,
И в хатах зажглись огни.
Вот первый восход звезды,
И ночь наступает за ним.

В поселке легла тишина.
Лишь изредка лай собак.
Степная чужая страна
Закуталась в сонный мрак.

Так значит – ты не придешь.
Я сяду одна у стола.
Копилки тревожная дрожь,
И мечутся тени в углах.

Опять начинается тоска
Безумную песню свою,
Опять за строкой строка
Всю ночь напролет поют —

Быть может, последний дар
Последней моей любви
Я в руки твои передам,
В любимые руки твои.

15 октября 1946

«Когда ты начинаешь тосковать...»

*Ужель заставите меня вы танцевать
Средь размалеванных шутов и проституток?
Леконт де Лиль*

Когда ты начинаешь тосковать,
И бьет судьба, и час вечерний жуток, —
Учись, мой друг, спокойно танцевать
Средь размалеванных шутов и проституток.

Пусть веселей бубенчики звенят
На жалком сборище людской арлекинады,
Но яд тоски, ночей бессонных ад
Учись скрывать за равнодушным взглядом.

Когда же на заре ты вешаться идешь,
Не оставляй письма возлюбленной в конверте,
Красивых фраз взволнованная ложь
Расскажет ей, что ты боялся смерти.

Пока живешь – будь храбрым и большим
И душу вырасти для подвигов суровых. —
Иди в изгнание и будь для всех чужим,
Но не торгуй ни совестью, ни словом.

18 октября 1946

«Сегодня ночь последней быть должна...»

Сегодня ночь последней быть должна.
Но вот опять – привычные соблазны
Вещей и дел, и всяких мыслей праздных,
Которыми вся жизнь окружена.

И я с тоской отодвигаю вновь
(В который раз) свое освобождение.
И суета опять. Опять несет мученья
Уже ненужная и грустная любовь.

26 октября <1946>

«Никому такое не приснится...»

Никому такое не приснится,
Жизнь – сплошной безумный бред.
Выползают тихие мокрицы
И ползут, ползут на скудный свет.
Свет дрожит. В углах сгустились тени.
Грязные тарелки на столе.
Листьями неведомых растений
Зимний холод вышит на стекле.
Пахнет дымом. С потолочных балок
Глина осыпается и пыль. —
Человек уныл, бесправен, жалок,
Безутешна жизненная быль.

Ноябрь <1946>

«Встречая Новый Год с друзьями...»

Встречая Новый Год с друзьями,
Бокал подняв с вином,
Я мысленно, друзья, не с вами, —
И тянет горестная память
В далекий ветхий дом.

И на берег замерзшего Ишима
Я мысленно с бокалом выхожу,
И тенью легкой и незримой
В окно замерзшее, любимый,
Я за тобой слежу.

Произношу январским звездам
Свой одинокий тост, —
И голос в воздухе морозном
Звучит пророчески и грозно
До самых дальних звезд.

И только ты его не слышишь,
Не знаешь обо мне.
Плывет дымок над низкой крышей
И поднимается всё выше
К невидимой луне.

31 декабря 1946

«И гонит и гонит тревога...»

И гонит и гонит тревога —
Смиренью не научусь.
И в сердце, любившее много,
Доверчивая – стучусь.

И знаю – откроется дверца,
И выйдет и встретит меня
Твое бессердечное сердце,
Сгоревшее без огня.

24 января 1947

«Как много хочется сказать...»

Как много хочется сказать
В полночный час любви —
Как сладостны твои глаза,
Как руки сладостны твои.

Какие просятся слова
В бесстыдстве тишины, —
Но молча, молча целовать
Друг друга мы должны.

Звенит тугая тишина
Как музыка в ушах —
Красноречива только в снах
Влюбленная душа.

3 февраля 1947
Буря

«Опять в провода налетели бураны...»

Опять в провода налетели бураны,
Завыли встревоженные провода.
Летят над пустыней седой Казахстана
Зловещими птицами Смерть и Беда.

Усеяны степи людскими костями,
Облиты кровавой росой,
И черепом желтым с пустыми глазами
Восходит луна над страной.

Забытые кладбища на дорогах.
Бескrestная тишина.
Среди голубых одичавших сугробов
Не волчья ль тропинка видна?

Вот так и бредем по тропинке волчьей,
Бездомные, всеми забытые мы,
И, стиснувши зубы, шагаем молча
От кладбища до тюрьмы.

26 февраля 1947

«Не думали, не гадали...»

Не думали, не гадали,
Не видели даже во сне,
Какие года настали
На старости. По стране

Гуляет голодный призрак,
Зубами скрипит тоска.
Захлебывается визгом
Гармошка у кабака.

Веселые стонут песни
Истерикой мировой.
И черные вьются вести,
Как вороны, над головой.

Замученные, убитые
В застенках и на войне,
Глазами глядят закрытыми
И бродят толпой по стране.

Безрукие и безногие
С пеньковой петлей идут;
Отравленные, убогие,
Расстрелянные поют.

В болотах кровавых земли,
Немыслимые цветы
К холодному небу подъемлют
Искусанные персты.

К далеким и древним звездам
Взывает земная кровь —
Пробьется ли криком грозным
Сквозь плотный ночной покров.

Багровые тучи падают,
И смрадом полна земля, —
Лишь буйные травы радуют
Тучнеющие поля.

28 февраля 1947

День равноденствия. 25 марта

В лужах качается лунный серп.
Хрупкие льдинки тают.
Розовый запад в тумане померк.
Слышно – идет, нарастает

Гулкое пенье веселой реки,
Пенье весны. Но за ночью
И за домами не видно. Теки,
Освобожденная! Белые клочья

Пены швыряя на берега,
Рви ледяные преграды,
Пой нам! Свобода и нам дорога,
Сердцу раскрытому надо

Жадно вобрать в себя вольную ширь
Вольных твоих скитаний,
Спой нам, невидимый ночью Ишим,
Песенку расставаний!

«Венецианские лагуны луж...»

Венецианские лагуны луж
И хрупкий месяц, розовый к тому ж,

Качается. И в зыбком отраженьи
Преображается воображение:

Не глина вязкая, не грязная вода,
А перламутровая тонкая слюда,

И синие, и синие просторы
И романтические горы.

«Четверть километра луж и грязи...»

Четверть километра луж и грязи.
Тусклого тумана плотная стена.
Крапчатое небо цвета грязной бязи,
Ветер в сорок баллов. Такова весна.

(Весна, весна! О ней поют поэты,
О ней поют щеглята и скворцы,
И на лугу качаются под ветром
Купавок золотые бубенцы.

Ты тихо слушай у лесной опушки,
Вбирай в себя любовный дух весны;
Весна ответит голосом кукушки,
Родным приветом северной страны.)

Четверть километра – только ль это,
Это ли причина для разлук?
Я ловлю внимательно грустные приметы
В суетных движениях равнодушных рук.

23 марта 1947

«Века назад с тобою мы бродили...»

Века назад с тобою мы бродили,
Рука с рукой, по солнечной стране.
Оливковые рощи мы любили
И звон цикад и песни при луне.

Любили моря синюю прохладу,
И митиленское вино,
И гроздь золотого винограда
За невысокой белой стеной.

Встречать любили корабли чужие
У гавани в вечерние часы —
Стремительные тучи грозовые,
Летящие над парусом косым.

Друг друга там с тобою мы любили,
В Эгейской солнечной стране,
Где с нами Музы милые дружили
И Сафо пела, украшая мне

Венками роз и ломкого аниса
Ночного ложа сладостный шатер...
Ты помнишь звезды яркие и низкие
И запах свежести с далеких гор?..

1 апреля 1947

Сафо

Остров похож на огромный и радостный сад.
Розы цветут. В Митиленах цветет виноград.
И из далекого плаванья
Корабли чужеземные заходят в гавани.

Музы поют, вдохновляясь Эгейской весной.
Море и солнце. Наполнен полдневный зной
Цикад лирическим пением
И благоуханием весеннего цветения.

Сафо, и здесь ты бродила в любовной тоске,
След от сандалий остался на теплом песке,
И над волнами пенными
Твой голос звучал, призывая Айсигену.

В дар Афродите ты песни свои принесла.
Розы цветут, из которых венки ты плела,
И рощи олив по-прежнему
Такие ж густые, зеленые и свежие.

Нет тебя, Сафо. Но летописи земли
Песни твои чрез века донесли
Любовникам. И поэтому
Ты чтима, бессмертная, поэтами.

4 апреля 1947

«Я слишком люблю тебя, солнце земное...»

Я слишком люблю тебя, солнце земное,
Закатов прозрачную акварель,
Восходов пастушескую свирель
И яростный ливень полдневного зноя.

И в каждой ромашке твое отраженье
Качается радостно, диск золотой,
Подсолнух надменный, высокий, прямой
Твое повторяет, о солнце, движение.

В зеленой траве распускаются маки —
То пурпур заката на землю упал,
То с ягод рябины восход запылал
Осенним оранжевым лаком.

8 апреля 1947

«Друзья мои, товарищи изгнания...»

Герде и Эльвире

Друзья мои, товарищи изгнания!
Шесть лет почти мы делим пополам
И скудный хлеб дорожного скитанья,
И грусть надежд, и юмор мелодрам.

Мы помогаем пронести по жизни
Мешки обид, чувалы кизяков,
Прощаем, дружные, неласковой отчизне,
У нас отнявшей родину и кров.

Прощаем ей загубленные годы,
Саманную тоску и троглодитов быт;
Прощаем вшей, жестокую природу,
Лохмотья жалкие и нищенство судьбы.

Всех потеряв, мы обрели друг друга
(В суровых битвах длится бытие).
Лишь иногда в вечерние досуги
Цыганскою гитарой пропоеет

Далекой молодости воспоминанье...
И мы, потрянув почтенной сединой,
Забыв лета, разлуки и свиданье,
Смеемся весело над грустною судьбой.

Иль, раздавив желанные пол-литра
И слезы удержав, поем о старине,
Пока кругом шальные «виют витры»
И голод рыскает в измученной стране.

Друзья мои, давайте ж поклянемся
Союз наш сохранить до гробовой доски,
И напоследок вдоволь посмеемся,
И доживем свое без жалоб и тоски.

3–26 мая 1947

«Я позову тебя в молчанье...»

Р.

Я позову тебя в молчанье.
И, может быть, настанет час, —
На долгожданное свиданье
Пойду, не опуская глаз.

И будут все пути открыты,
И я припомню, может быть,
По древним письмам санскрита
Метафизическую нить

Моих далеких воплощений
На грустной и родной земле —
Медузой, рыбою, растением
И ящерицей на скале

Была душа. В ночных пещерах
Горели первые огни.
И человек, один из первых,
В косматом сумраке возник.

А дальше — медленно и трудно
Шел человек — за шагом шаг,
Но в некий час тревоги чудной
Крылатой поднялась душа.

Так человек слышал Бога
И на земле родился Бог —
С востока привела к порогу
Звезда волхвов и пастухов.

И память мудро сохранила,
Запечатленна и чиста,
Путь от амебы до гориллы
И от гориллы до Христа.

1 июня 1947

Троица

Конверт со штемпелем «Москва».
Как радостно и больно!
Читаю медленно слова,
И на глаза невольно

Непрошенная влага слез.
О, милый запах дома,
О, запах вянущих берез
На Троицу. Знакомый

Веселый вечер за столом
Под желтым абажуром.
Как дышит самовар теплом,
В сахарнице ажурной

Печенья хрупкая гора
(Домашнего печенья!),
И рдеет в вазе баккара
Клубничное варенье,

И хворост розовым клубком,
Напудренный ванилью,
В бутылочке старинной ром,
И рюмок изобилие,

И мед сочится золотой
На блюдо расписное,
Пионы в зелени густой,
Зажженные весною,

И в чашечках саксонских чай,
Душистый, сладкий, крепкий...
И скатерть – желтая парча,
На ней березок ветки...

3 июня 1947

Посвящение

Э.

Нельзя забыть любимого тепла
Знакомого и ласкового тела.
И плачу я, что не любовь ушла,
А только радость ласки отлетела.

И мы – враги, влюбленные враги,
Следим жестокими и жадными глазами,
Чтоб сердце не досталось другим,
И раним сердце сладострастно сами.

Я плачу. Видишь – я люблю тебя
И любишь ты. Но не покорны оба.
И проклиная, плача и любя,
И издеваясь над любовью злобно,

Неповторимый помним аромат
Любимых губ и ласкового тела...
Пусть дни летят, стремительно летят,
Пусть молодость, как ветер, отшумела!

8 июля 1947

Голод

Легкая дрожь в коленях,
Ясность и пустота
Медленных телодвижений.
Смутный мираж. Мечта.

Тонко звенит (как пчелы
В тучных лугах звенят)
Мыслей моих веселых
Пахнувший медом яд.

Брат мой, мы оба узнали
Песен святую ложь —
Я тоже зову – Илаяли,
Которую ты зовешь.

Ее не бывало на свете.
И кружится голова.
Останутся от поэта
Придуманные слова,

Мы книги оставим миру.
Пускай их Лукулл прочтет
На шумном, на пышном пире
И легким вином запьет.

22 июля 1947

Поэт

Банален реквизит лирических поэтов —
Чернила, разведенные водой.
И груда неоконченных сонетов
Покрыта пылью плотной и седой.

Живут в углу классические мыши,
Такие же голодные, как он.
И над кроватью протекает крыша,
А он по-прежнему беспечен и влюблен.

Во славу Муз и ветреной Киприды
Он сердце поднимает, как бокал,
И пишет на любовные обиды
Причудливый и острый мадригал.

Когда же сплин (а он не чужд поэту)
Висит над ним, как Лондонский туман, —
Он, удалясь от суетного света,
Философической тревогой обуян.

Вновь видит мира мудрое величье,
И в тайной тишине ночных часов
Как птицелов, он помнит пенье птичье
И слышит ход безмолвных облаков.

Предчувствием чудесного объятый,
От глаз людских он бережно хранит
Грааля кубок, рыцарские латы
И герб поэтов – Розу, Крест и Щит.

«По грозному небу бегут облака...»

По грозному небу бегут облака,
И степь беспредельней и шире.
«Сибирь так ужасна, Сибирь далека,
Но люди живут и в Сибири»...

Года пролетели. Какие года!
И волосы белыми стали,
И редкие вести доходят сюда,
И близкие помнить устали.

Но песен поэты о нас не споют,
О женщинах Казахстана,
О тех, кто остались без имени тут
Лежать навсегда под бураном.

О женщинах тех, кто, идя на погост
С тяжелой железной лопатой,
Не плачут, прощаясь, в сиянии звезд
Над мужем, над сыном, над братом.
24 августа 1947

8 сентября (день Адриана и Наталии)

Себе самой

В честь Адриана и Наталии
Пишу сама себе
(Такие времена настали
В моей скитальческой судьбе).

В тот день, справляя именины,
Я встану на заре,
Одев веселую личину
К плохой игре.

И буду помнить не о тортах,
Не розы буду ждать,
Не гости праздничной когортой
Приедут поздравлять —

Я в честь высокой патронессы
Навозом смажу пол;
Я веток принесу из леса,
Поставлю их на стол,

Я выбелю снаружи хату,
Пойду за кизяком.
И вместо трапезы богатой —
Хлеб черствый с кипятком.

Благодарю покорно небо
За этот черствый хлеб —
Хоть не единым только хлебом
Живем мы на земле.

Когда ж придут друзья к поэту
В убогое жилье,
Мы вспомним, что проходит где-то
Иное бытие,

Звенят и пенятся бокалы,
И ночь всю напролет
Оркестров ветер небывалый
О радости поет.

И в честь какой-нибудь Наташи
За праздничным столом
Гремят фарфоровые марши,

Гремит стеклянный гром,

И осыпаются тугие
На скатерть ветки роз,
И фрукты нежно-золотые
Ей в дар сентябрь принес.

Но я завидовать не стану.
Мой путь суров и тих —
Я благодарна Казахстану
За горечь дней моих.

«Хоронят здесь самоубийц...»

Хоронят здесь самоубийц,
Чтоб не поганить землю на погосте.
Лежите, милые, средь трав и птиц...
Мы – кандидаты – к вам приходим в гости.

Мы – рыцари служения Тоске,
Владычице холодной и жестокой;
В знак братства тайного нам на руке
Начертан крест – как символ точный срока.

Спокойны мы. Без страха смотрим в даль,
В лукавые соблазны милой жизни, —
Но глубоко запрятана печаль
О той грядущей и родной отчизне.

13 сентября 1947

«Мне феи забыли положить в колыбель...»

Маше

Мне феи забыли положить в колыбель
Наперсток, иголку и спицы, —
Но фавн козлоногий оставил свирель,
И песни оставили птицы.

И я не склонялась над полотном,
Над вышивкою прилежно, —
Но зори поили меня, как вином,
Прохладой прозрачной и свежей.

Училась я музыке у тростника
И праздности позабытой —
Все песни, что пели над миром века,
Мне были – поэту – открыты.

Я слушала их. И слетались они,
Покорные первому зову,
Как легкие птицы на грустные дни
Веселого птицелова.

И я не боюсь ни беды, ни утрат,
Упрямо по жизни шагаю.
Певучее сердце ведет наугад —
Я верю ему, дорогая.

13 сентября 1947

«Из жизни в жизнь переносу с собой...»

Из жизни в жизнь переносу с собой
С мучительным и грустным постоянством
Певучей праздности веселый беспорядок
И этот грозный груз земной тоски.

Из жизни в жизнь переносу с собой
Греховный пыл неутолимой крови,
Неотвратимость горькую измены
И сладость вероломную любви.

Из жизни в жизнь переносу с собой
Предчувствие великого молчанья,
Смотрю – над миром возникают звезды,
Светящиеся ноты тишины.

Когда ж любовь оставлю на земле,
Оставлю человеческие песни —
Иная музыка наполнит душу,
Та музыка, чье имя Тишина.

13 ноября 1947

«Учитель, я бреду походкою неверной...»

Р.

Учитель, я бреду походкою неверной
По старой, по исхоженной земле.
Люблю закат над морем в час вечерний
И маки, вспыхивающие на скале.

Люблю земли горячее дыхание,
Прозрачных полдней розовый песок,
Люблю певучее чередование
Размерных стихотворных строк.

Люблю спокойствие пустынных комнат,
И шелест перевернутых страниц,
И тех людей, что знают, верят, помнят
О сказочных полетах Синих Птиц.

Учитель, как уйду из ласкового плена
Моей суровой и родной земли, —
Поет в волнах лукавая сирена
И движутся за ней на рифы корабли.

7 декабря 1947

«За окном гуляет вьюга...»

За окном гуляет вьюга
По раздольям по степным,
Волчья дикая подруга
Воет голосом ночным,

У земли украла звезды.
Над погашенной луной
Закрывает лунный воздух
Мутно-белой пеленой.

И звенят сухие льдинки
О хрустальный небосвод —
Бедным путникам поминки
Вьюга лютая поет.

Без пути по темной ночи,
По раздольям по степным
Огоньками волчьих очей
Сквозь крошечный снежный дым.

1–2 января 1948

«Не гнев и не жалость – учись глубине и молчанью...»

М.Н.Я.

Не гнев и не жалость – учись глубине и молчанью.
Высокие звезды – великий и мудрый покой.
И помни – в сокровищницу мироздания
Бессмертную душу ты смертною вносишь рукой.

Бессмертной душе не страшны никакие угрозы,
Ни бед, ни утрат победившему страх не дано.
И пламенем белым далекой Мистической Розы
Пусть будет земное скитанье озарено.

7 января 1948

«Бродячею скрипкой по миру гуляет судьба...»

Месяц – цыганское солнышко.

Бродячею скрипкой по миру гуляет судьба,
Поют по поселкам тревожные нежные струны,
И жалоб певучих медлительная ворожба
В неверном тумане качается облаком лунным.

Кому эта песня, в тумане кому ворожит,
Кто бросит свой дом и пойдет по неведомым тропам,
Под солнцем цыганским, под небом неласковым жить,
Погони какой и откуда доносится топот?

Но разве догонишь скитальческую судьбу,
И в лунном тумане напрасно протягивать руки, —
Забудь свое сердце, и близких, и дальних забудь —
И слушай в ночи одинокую песню разлуки!..

8–12 января 1948

«Погадать бы крещенским вечером...»

Погадать бы крещенским вечером,
Перед зеркалом в полночь, одной.
В коридоре зеркальном свечками
Намечается путь земной.

Не о ряженном, не о суженом —
Погадать о родной земле,
Затишают ли ветры выюжные,
Не идет ли страна к тишине?

Погадать бы еще о наскоро,
О прожитых начерно днях —
Кто изгнанников встретит ласково
В наших прежних родных краях.

Что на родине нам осталось,
И сумели ли мы дойти,
Иль, сраженные здесь усталостью,
Лягут кости в степном пути.

Разукрасила ночь крещенская
Ледяными цветами стекло.
Тишь за окнами деревенскую
Лунным пламенем залило.

Ночь, я многое рассказала бы
В одинокий полночный час,
Но ни гнева, ни слез, ни жалобы
Ты б, холодная, не дождалась.

19 января 1948

МЫШИ

А. Н. Златовратскому

Целый день до самой ночи
Мыши спят в своих кроватках.
Их кроватки – ваты клочья,
И страницы из тетрадки,
И изгрызенные книжки —
Всё годится серым мышкам.

Крепко спят они. Им снится
Вкусный сон – дворец из сала,
Снятся сахарные птицы,
Снятся праздничные залы,
И цветут деревья сада
Разноцветным мармеладом.

Но как только ночь настанет,
Жизнь затихнет в каждом доме, —
Мыши осторожной стаей
Каждой норкою знакомой
Вылезают из подполья —
Им теперь кругом раздолье.

Разбегутся всюду мыши
Кто куда – в буфет, на полку.
Острый нос в оконной нише
Ищет терпеливо шелку,
Чтоб полакомиться студнем
За окном на длинном блюде.

По роялю пробегутся,
На столе в забытой чашке
Чаю сладкого напьются
И конфетную бумажку
Отнесут в укромный угол.
Побывают и у кукол.

Если кошки нет в квартире,
Мышки рады. Мышкам праздник.
Всех страшней им в целом мире
Кот – пушистый безобразник.
Сколько он их съел на свете, —
Берегите кошек, дети!

16–18 января 1948

«Ты сердце мое не тревожь и не трогай...»

Ты сердце мое не тревожь и не трогай,
Цыганской гитары заглохший огонь.
Она возвратится – былая тревога, —
Покорные струны и сердце не тронь!

Я помнить не смею шатры кочевые,
Над речкою таборные костры,
Горящие, длинные, золотые
Певучие серьги у смуглой сестры,

Крылатое платье, змеиные косы,
Как легкие руки навстречу судьбе,
И криком гортанным хор многоголосый
И черная ночь помогали тебе,

И пламя костров над рекою плясало,
И дикое пламя плясало в глазах,
И сердце мое ты, как бубен, держала,
Послушное сердце держала в руках.

Ты сердце мое не тревожь и не трогай,
Цыганской гитары заглохший огонь.
Она возвратилась, былая тревога,
Покорные струны и сердце не тронь!

28 января 1948

«Жди меня. И я скоро к тебе приду...»

Эльвире Дассо

Жди меня. И я скоро к тебе приду.
Пусть весна отзвенит и подснежники выйдут навстречу.
Под лучами апрельскими дни незаметно пройдут,
Пролетят незаметно года человечьи.

Я увижусь со всеми – с тобою, с любимым... друзья
Подойдут и расскажут, как вам умиралось.
В Елизейских полях еле слышная песнь соловья
От тревоги земной вам на память осталась...

Может быть, вы выходите встретить меня поутру
И, шагами бесплотными меряя тихие травы,
Вы зовете меня, задержавшуюся сестру,
Вы зовете меня для бессмертья и славы.

17–18 апреля 1959

«Я знаю вечеров застенчивую нежность...»

Я знаю вечеров застенчивую нежность,
Степных прозрачных зимних вечеров,
Нетронутую розовую свежесть
Воздушных и крылатых облаков.
За эти вечера, за тишину простора,
За эти легкие на горизонте горы

Прощаю я беды неумолимый ветер,
В мой тихий дом влетевший в грозный час,
Оставивший на золотом паркете
Измятые цветы, осколки дней и ваз,
Оставивший печальный беспорядок
Забытых книг, изорванных тетрадок.

О, этот вечер, пахнувший разлукой...
Как их собрать, осколки хрупких дней, —
Я не сожму протянутые руки
Оставшихся отверженных друзей...

Забуду ль тишину покинутого дома
За этот мир чужой и незнакомый?

29 января 1948

«Жду тебя, крылатая подруга...»

Жду тебя, крылатая подруга,
Вестница из дальней стороны. —
Облака бегут по краю круга
Мутной исцарапанной луны.

Твой ли голос в каждой песне слышен,
Не твоя ли на плече рука?
Над моею глиняною крышей
Лунные померкли облака.

В комнате и жалкой и убогой
Разливается нездешний свет, —
За дверями, за крутым порогом
Нет людей и мира больше нет.

Тишину и музыку вселенной
Ты, подруга, принесла с собой —
В этих древних и печальных стенах
Воздух закачался голубой.

Всё во мне. Я – птицей и звездой,
Облаком и камнем на пути, —
Все пути проходят чередой,
Все пути должна душа пройти.

8 февраля 1948

«Лунный луч живет в углу...»

Лунный луч живет в углу,
Осторожный легкий житель.
Пробираясь по стеклу,
Он посмотрит – крепко спите ль,

Тронет голубой рукой
Образок, лицо, подушку —
И окутает покой
Человеческую душу.

А вокруг в снегах страна
(Чья-то грустная ошибка),
В доме старом тишина
Под сурдинку стонет скрипкой.

Лунный луч живет в углу
(Он такой же одинокий),
Легкий, светлый милый луч,
Прилетевший издалека.

13 марта 1948

«Я открываю себя навстречу миру...»

Я открываю себя навстречу миру.
И этот ослепительный, бесшумный и громкий мир,
И этот солнечный, звездный и лунный мир,
И черные ночи, и ветер, летящий в просторах
Пустынь, океанов, над мертвыми синими льдами
И рвущий косматые тучи над полюсами земли —
Всё входит в меня.

Я открываю себя навстречу миру, —
И этот земной, человеческий грозный мир,
Где войны и голод, кровавые тучные реки,
Где виселиц и революций кромешный багровый туман —
Всё входит в меня.

Я открываю себя навстречу миру —
И этот мудрый огромный любимый мир
Вождей и поэтов, мудрецов и пророков,
Великих скитальцев, ваятелей, зодчих
И музыки вечной творцов —
Всё входит в меня.

13 марта <1948>

«На северо-запад Москва лежит...»

На северо-запад Москва лежит,
И тысячи верст до Москвы.
О, азиатские рубежи,
Какие огромные вы!

И в Персию ближе и на Памир,
И ближе в Китай, чем в Москву, —
Но только свободны дороги в мир
Крылатому божеству.

Ты, ветер, степные просторы покинь
И улицам древней Москвы
В подарок снеси и чабрец и полынь,
И солнечный запах травы.

Ты песенки птичьи Москве отнеси,
Огнем азиатской зари
Ты зори московские погаси,
Задуй над Москвой фонари...

Вагоновожатый оставит трамвай,
И выйдет, и тихо вздохнет,
И вспомнит, как в детстве шумела трава
И птицы приветствовали восход.

И даже троллейбус, огромный, как дом,
Изменит привычный маршрут,
И люди в метро, в такси и пешком —
Все за город побегут.

Останется грустный милиционер, —
(Быть может, один в Москве), —
Закурит. Пойдет на ближайший сквер —
И ляжет на пыльной траве.

О ветер, ты много наделаешь бед,
Но праздником эта беда: —
Пусть бедные люди за тысячу лет
Хоть раз убегут от труда.

16–20 марта 1948

«Если ты пожелать мне позволишь...»

Если ты пожелать мне позволишь
И слова до тебя дойдут —
Всё забудь, но запомни одно лишь:
И в Якутии люди живут.

Там, прижавшись к полярному кругу,
Самоедские чумы стоят.
Вместо музыки слушает вьюгу
Наш далекий, наш северный брат.

Полыхают на небе стожары,
На земле полыхают снега,
И вожак, самый мудрый и старый,
Поднимает густые рога.

Чутко слушает стадо олень,
Как шуршат океанские льды,
Осторожное слышит движенье
У окраин свободной воды.

Там властитель полярных просторов
Заповедные льды стережет,
И пронзают плавучие горы
Заблудившийся пароход.

Косоглазый и коротконогий
Брат выходит на мир взглянуть, —
К чуму дальнему без дороги
Он по звездам находит путь.

Поколение за поколением
В ледяной, но родной стране
Нарты легкие мчат олени,
Пригибая рога к земле.

Там мой предок бродил когда-то,
Может быть, эти дни придут —
В дальнем стойбище встречу брата —
Полурусский, полуякут.

13 апреля 1948

Радость

Петух орет как полоумный
У моего порога,
И день встает большой и шумный
Как радость, как тревога.

Переполох гусиный, птичьи
Шальные перезвучья,
Цветов весенних пестрый ситчик
И розовые тучи.

Проходит по поселку стадо
Медлительно и мудро,
И пахнет тополями радость,
И пахнет медом утро.

Скорей открыть на волю двери!
Пусть в сумрачную хату
Ворвется дух свободных прерий —
Дух чабреца и мяты!

18 мая 1948

«Удар пришелся в самый раз...»

Удар пришелся в самый раз —
На тысячи осколков...
И легкий звон, сверкнув, погас,
И ночь вокруг замолкла.

Вот это значит – просто вдрызг;
Круши, ломай, доканчивай, —
И не собрать стеклянных брызг,
Не склеить мелких заново.

1948

«Я больше не пишу ни прозы, ни стихов...»

Я больше не пишу ни прозы, ни стихов,
К молчанью тайному приготавливаю душу,
Очарованьем древним стройных слов
Покой души крылатой не нарушу.

Соблазн певучий страшен и велик.
Как смертный грех – словесное распутство.
И черной магией в веках страницы книг,
И искушением лежит в веках Искусство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.